

Он словно вспомнил нечто до ужаса пугающее, отчаянно затряс головой, рассыпал по земле мелочь и вцепился в собственные волосы.

— Что же мне сделать, чтобы брат Хэ простил меня? Вы ко мне так добры, так добры, что мне кажется, будто я сплю.

— Каждое утро просыпаюсь и чувствую, насколько всё это нереально, — голос Хэ Юя дрожал от слёз. — Мне сейчас так страшно. Если брат Хэ не простит меня, то пусть я лучше умру прямо здесь.

Лёгкий ветерок шевельнул прядки у висков Хэ Цинчэна, обнажив пару совершенно бесстрастных глаз с миндалевидным разрезом.

Ограда перед ним, облупившаяся штукатурка стен, синева неба и залитый слезами человек — всё это на его глазах превращалось в потоки данных.

Деконструкция, анализ, рекомбинация.

В его сознании линия времени протянулась вперёд, предвосхищая будущее.

Ливень стеной, вспышки молний и раскаты грома.

У ног одетого в тонкую одежду юноши стояли два больших чемодана. Он поднял голову, и его серёжка тускло блеснула в свете тусклого уличного фонаря.

На ступенях стояла мать Хэ, чьё лицо всегда отличалось безупречным изяществом, но теперь её глаза были холодны, как зимние звёзды. Она произнесла:

— Наша с тобой материнская связь исчерпана, живи дальше как знаешь.

Заболевший Хэ Юй выбежал на крыльцо, шатаясь, и, кашляя, схватил мать за руку. Его глаза покраснели, как у кролика:

— Как можно позволить брату Хэ уйти из-за меня? Мама, верни его! В такой сильный дождь, куда он пойдет?

Голос матери Хэ доносился сквозь плотную пелену дождя — тяжелый и глухой:

— Твой младший брат даже в такой момент думает о тебе. Хэ Шу, я спрашиваю в последний раз: ты осознаешь свою вину?

Тонкие пальцы до побеления костяшек сжали рукоять зонта, словно это была единственная соломинка, за которую он мог ухититься посреди бушующего ливня, чтобы перевести дыхание. Хэ Шу держал спину прямо, из последних сил заставляя себя не выглядеть жалко.

Как смешно, до чего же смешно... В чем он виноват?

Он разомкнул губы и чеканно произнес:

— Не осознаю.

Вся гордость и самоуважение были растоптаны и стерты в порошок этими двумя словами, словно бумажный фонарик, чей фитиль на глазах догорал в масле.

— Хорошо. — Мать Хэ наконец окончательно вышла из себя. Она подхватила стоявший под навесом цветок в горшке и со всего размаха швырнула в него: — Проваливай и чтобы я больше тебя не видела!

Раздался звонкий удар, брызги крови смешались с дождевыми каплями. Хэ Шу качнулся назад и вцепился в ручку чемодана, только так удержавшись на ногах.

Он закусил губу до солоноватого привкуса крови во рту, и свет в его глазах погас окончательно.

Двадцать второе декабря, день зимнего солнцестояния, бесконечная долгая ночь — то была самая холодная ночь в жизни Хэ Шу.

Весь мир отвернулся от него.

Хэ Юй продолжал плакать. Он всхлипывал, то и дело поглядывая на край террасы, давая понять, что действительно хочет умереть, и моля Хэ Цинчэна утешить его.

Подумаешь, какие-то сто тысяч за часы! Он же не специально, да и после стольких суровых слов всё должно было наконец утрястись, верно?

Он исподлобья бросил покрасневший от слез взгляд на Хэ Цинчэна.

Стоя против света, толком разглядеть выражение лица собеседника не удавалось, но раздался спокойный и мягкий голос:

— М? Я не удерживаю, так прыгай же?

Слезы, которые Хэ Юй изо всех сил пытался выдавить из себя, так и застыли на глазах.

Мать Хэ вела все дела в семье Хэ, отец Хэ умер очень рано. Из двух сыновей Хэ Шэньюань был добряком, а Хэ Цинчэн — флюгером, которого легче всего было купить.

По всему выходило, что в последние дни Хэ Цинчэн во всем защищал Хэ Юй, так почему же сегодня он ведет себя совсем иначе?

Хэ Юй растерялся, слезинки повисли на ресницах, не падая. Он посмотрел на Хэ Цинчэна и робко произнес:

— Брат, что ты сейчас сказал?

Он ведь наверняка расслышал не так, точно расслышал не так!

Хэ Цинчэн чуть подался вперед, заглядывая ему в лицо — его светло-карие глаза были прозрачными и ласковыми, а опущенные ладони выглядели изящно и чисто:

— Всего лишь часы, не стоит из-за этого переживать, поднимайся давай.

Сердце, застрявшее в горле, рухнуло обратно. Хэ Юй с запозданием ухватился за протянутую руку и испуганно пробормотал:

— Мне так страшно. — Он закусил губу и жалобно заглянул в глаза Хэ Цинчэну: — Брат, я только впервые узнал, что такое ощущение семьи, и совсем не хочу потерять его так быстро. Ты поможешь мне?

Поведение Хэ Цинчэна ничем не отличалось от обычного, никаких странностей заметно не было:

— Конечно.

После этих слов Хэ Юй окончательно успокоился.

Он знал, что метод давить на жалость — далеко не лучший выход, особенно с Хэ Цинчэном, чей голос в семье Хэ весил меньше всего.

Но ситуация возникла внезапно, другого выбора у него не оставалось: сначала Хэ Шэньюань своими словами задел Хэ Шу, а теперь, по возвращении домой, его защитит Хэ Цинчэн.

И какая разница, насколько серьезной была ошибка? Уж тут-то промах исключен.

Всё, чем владел Хэ Шу, должно было принадлежать ему еще семнадцать лет назад. И то, что он пришел забрать это только сегодня, доказывало его вели великодушие.

Одни-единственные часы — это лишь начало, а по-настоящему хорошее представление еще впереди.

Хэ Юй спрятал глубокий блеск в глазах и, подняв голову, тут же сменил выражение лица на беспомощное и полное детской доверчивости, словно путник, нашедший свет:

— Спасибо, братик Цинчэн, ты ко мне лучше всех! Без тебя я даже не знаю, что бы делал.

Девяносто шестой сейчас откровенно сомневался в реальности происходящего: оно вернулось в системное пространство, чтобы еще раз перепроверить досье хоста.

Шэнь Синлань, мужчина, 26 лет, программист, вечно жил в режиме с девяти до пяти. В мир Системы «Моя судьба в моих руках» он попал из-за сильнейшего желания выжить перед самой смертью и неземной страсти к деньгам.

Больше ничем не примечателен. Появившись в системном пространстве, он выглядел абсолютным новичком и смотрел на всё вокруг остекленевшим взглядом.

На любые вопросы выдавал тройное «не умею, не могу, давайте закончим на этом», и только благодаря долгим уговорам девяносто шестого он соизволил подписать договор.

И вот прошло всего два часа с начала выполнения миссии, как вместо того, чтобы встретиться лицом к лицу с главным сюжетным поворотом, он просто прогулял учебу и отправился на... кладбище.

Девяносто шестой ломало голову в попытках найти хоть какой-то смысл в происходящем. Переключившись на канал для зрителей, оно с изумлением обнаружило, что популярность трансляции Шэнь Синлани не падала — напротив, зрители толпами сбегались туда, сгорая от любопытства: что же, черт побери, этот Шэнь Синлань задумал?

В конце концов, этот парень вел себя совсем не так, как персонажи в других шаблонных конвейерных сюжетах — он действовал наперекор абсолютно всему.

Девяносто шестой молча понаблюдало за ним какое-то время и выдало:

— А знаешь, ты мне кого-то напоминаешь.

Шэнь Синлань стоял перед черной надгробной плитой, не сводя глаз с выбитых на ней иероглифов.

Среди густых зеленых гор стройными рядами высились темно-серые надгробия, и вокруг царила такая тишина, что не было слышно ни звука.

Девяносто шестой решило прибегнуть к испытанному приему:

— Признавайся-ка честно, ты ведь никакой не новичок, верно?

<http://bllate.org/book/26521/3174724>